

Мягкое осеннее солнце заливало кофейню сквозь вымытые до блеска панорамные окна. Его лучи скользили по безупречно чистому стеклу и ложились на непокрытую деревянную столешницу.

Сидящий за столом мужчина нервно хмурился. Стоило официанту поставить перед ним чашку, как он, даже не глядя, тут же сделал большой глоток.

Почти сразу же он поморщился и с отвращением уставился на напиток. Схватив кувшинчик, он вылил в чашку все молоко до последней капли, а следом одну за другой бросил туда штук восемь кускового сахара.

Темно-коричневая жижa завихрилась, окрашиваясь в приторный кремовый оттенок. Но этот нежный, теплый цвет почему-то лишь усилил неприязнь на лице мужчины.

Он нетерпеливо поглядывал на улицу. Минуло около десяти минут, прежде чем на перекрестке наконец показался другой молодой человек.

Тот был высок, хорош собой и держался с мягким, на удивление не по годам зрелым достоинством.

Полосатая сине-белая рубашка была небрежно расстегнута на пару верхних пуговиц, приоткрывая ключицы. Свободные бежевые брюки сидели идеально: узкий кожаный ремень выгодно подчеркивал стройную, подтянутую талию, отчего его и без того длинные ноги казались еще стройнее при ходьбе.

Поймав взгляд своего приятеля сквозь стекло, юноша тепло улыбнулся, приветственно махнул рукой и, ускорив шаг, вошел в заведение.

Обменявшись парой слов со знакомым хозяином кофейни, он подошел к столику и опустился на стул напротив своего друга.

— Что стряслось? Зачем такая спешка? — с шутливым упреком спросил Цинь Цзычу, хотя его глаза так и светились нежностью. — Повезло еще, что пары почти закончились.

Он легонько, любя, щелкнул своего спутника по лбу. Было очевидно, что этот внезапный и сумбурный вызов несколько его не расстроил, а скорее наоборот.

Мэн Лян хотел было улыбнуться в ответ, но улыбка вышла вымученной и тут же застыла на его губах. Повисла тяжелая пауза. Наконец он выдавил хриплым, безжизненным голосом:

— Го На беременна. Пятый месяц уже.

Цзычу опешил. От удивления он на мгновение лишился дара речи.

Го На приходилась ему седьмой водой на киселе — кузиной в каком-то немыслимом колене. В эпоху, когда в семьях росло по одному ребенку, объяснить столь дальнее родство было задачей не из легких. Тем не менее, приехав в этот город на учебу и оставшись работать, девушка со временем стала для него близким человеком.

Молодой одинокой девушке в чужом мегаполисе приходилось несладко, поэтому родители Цзычу постоянно просили сына приглядывать за ней и во всем помогать.

Го На всегда казалась открытой, разумной и послушной. Цзычу попытался вспомнить хоть какие-то подробности ее личной жизни, но в памяти всплывал лишь ее болезненный разрыв с бывшим парнем, случившийся больше года назад.

Насколько ему было известно, с тех пор она ни с кем не встречалась.

Неужели она попала в беду? Иначе почему молчала целых пять месяцев, так и не решившись рассказать его семье?

Прежде чем Цзычу успел задать хоть один вопрос, Мэн Лян заговорил сбивчивой скороговоркой:

— Тебя не было в городе, поэтому Го На попросила меня сходить с ней сегодня на плановое УЗИ. Представляешь, я только сегодня узнал, что беременность длится целых сорок недель, то есть двести восемьдесят дней! Прямо расширил кругозор. Оказывается, ПДР высчитывают так: берут первый день последней менструации. У нее это было двадцать четвертое апреля. Месяц четыре плюс девять — тринадцать. Число двадцать четыре плюс семь — тридцать первое. То есть срок ставят ровно на тридцать первое января. А это ведь как раз первый день Нового года по лунному календарю! Потрясающее совпадение, правда? Помнишь, как в «Сне в красном тереме» в усадьбе Цзя говорили, что родившейся в первый день года Юаньчунь суждена великая судьба? Да, кстати, по УЗИ мальчик. Там уже всё отчетливо видно.

Оглушенный этим бессвязным потоком слов, Цзычу растерял все свои вопросы и спросил лишь о самом важном:

— Как Го На себя чувствует? С ней и с ребенком все хорошо? Нужны какие-нибудь лекарства, витамины?

— С ребенком все в порядке, — поспешно отозвался Мэн Лян. Было заметно, как уходит сковывавшее его напряжение. — Врач сказал, показатели отличные, просто на поздних сроках нужен хороший уход. И еще... Отец ребенка готов жениться на Го На и вместе растить малыша.

Цзычу с облегчением кивнул, но все же засомневался:

— А сама Го На согласна? Срок, конечно, большой, но даже прерывание беременности, при всем его вреде для здоровья, лучше, чем замужество с ненадежным человеком. Главное, чтобы она не делала это через силу.

Мэн Лян на миг замешкался, а затем неопределенно пробормотал:

— Ну... да, она согласна. Все-таки у него есть и квартира, и машина, да и с ребенком обещают помочь. Отец тоже безумно рад — наследник ведь, мальчик.

Цзычу негромко вздохнул. На душе у него заскребли кошки. Он прекрасно знал, как сильно Мэн Лян мечтает о собственном ребенке, о продолжении рода. К сожалению, они оба были мужчинами, и в их союзе общих детей быть не могло. К тому же отечественное законодательство запрещало услуги суррогатного материнства.

— Раз оба согласны, то и славно, — стараясь говорить как можно мягче, произнес Цзычу, как и подобало заботливому старшему брату. — Ее родители далеко, так что мне придется встретиться с этим человеком. Свадьбу нужно обсудить заранее. Нельзя допустить, чтобы ее ущемляли в правах только потому, что она уже в положении.

На этих словах Цзычу поднял глаза и посмотрел на Мэн Ляна. Тот виновато отвел взгляд, не смея смотреть ему в лицо.

В груди у Цзычу все похолодело. В памяти мгновенно пронеслось странное, суеливое поведение Мэн Ляна с самого момента его прихода — тот радовался так, словно выиграл целое состояние. Улыбка сползла с лица Цзычу. Он в упор уставился на своего возлюбленного.

Они прожили вместе больше пяти лет и понимали друг друга без слов.

Почувствовав на себе этот тяжелый, пронизательный взгляд, Мэн Лян судорожно схватил Цзычу за запястье, прижимая его ладонь к столу, и зашептал в панике:

— Цзычу, послушай... Я ведь знаю, что ты не такой, как я. Ты ведь не закоренелый гей, можешь и женщин любить. Это я тогда все затеял, бегал за тобой. Да и в постели я никогда не смел претендовать на то, чтобы войти в тебя... Твои родители до сих пор надеются, что ты когда-нибудь женишься и заведешь детей. Но сейчас... прошу тебя, всего один раз! Го На ведь обо всем знает. Та ночь... это была чистая случайность, клянусь! Ты же знаешь, меня бабы не интересуют! Я и подумать не мог, что она забеременеет. Мы договорились о фиктивном браке. Мы поженимся только для вида, а у нас с тобой все останется по-прежнему. Умоляю тебя!

Глядя на это униженное, жалкое лицо, Цзычу вдруг ощутил, как внутри все затихает. Он протянул руку, похлопал Мэн Ляна по макушке и тихо, надтреснуто рассмеялся.

Решив, что буря миновала, Мэн Лян заметно приободрился. К нему вернулись краски.

Сохраняя заискивающий тон, он поспешил развить мысль:

— Мы ведь живем в твоей квартире, тратиться мне особо не на что. За эти годы я накопил приличную сумму. Родители, как про внука узнали, сразу решили купить жилье для Го На с ребенком. Она будет жить с ними за городом и растить малого, а мы с тобой останемся здесь. Представляешь, как удобно? Предки наконец-то отстанут от меня с женитьбой, и мы заживем вообще без оглядки на них.

Цзычу осторожно, палец за пальцем, разжал державшую его руку и поднялся. Смех душил его — настолько нелепым и абсурдным казался весь этот лепет.

— Раз уж ты сам прекрасно помнишь, что все твои вещи в этой квартире куплены на мои деньги, то сделай одолжение — больше никогда не переступай мой порог. А что касается Го На... Живите вместе, играйте свадьбу, устраивайте фиктивные браки — мне плевать. Но если хоть кто-то из вас двоих снова сунется ко мне или к моим близким, пеняйте на себя.

С этими словами Цзычу развернулся и ровным шагом вышел на улицу, оставив мертвенно-бледного Мэн Ляна наедине с его остывающим приторным кофе.

Каково это — узнать, что твоя подопечная сестренка понесла от твоего же парня, который годами уверял тебя, будто на женщин у него «не стоит»?

За других он сказать не мог, но самому Цзычу в этот момент было даже не столько больно, сколько дико, гомерически смешно.

Набрав номер родителей и коротко, без лишних эмоций изложив суть дела, он устало опустил руку с телефоном и потер переносицу, застыв на обочине шумного перекрестка.

Пожалуй, стоило порадоваться, что на сегодня лекции закончились и ему не придется идти в аудиторию к шумным студентам. Сдерживать себя перед ними сейчас было бы выше его сил.

Вернувшись домой, он залез под душ и долго стоял под ледяными струями, пытаясь смыть с себя эту липкую грязь. Затем, не чувствуя ничего, рухнул на постель прямо в халате.

Тело заныло от сильного озноба.

"Беда не приходит одна, — безучастно подумал он, чувствуя, как жаром наливается голова. — Мало мне было измены, так еще и лихорадку подхватил"

Но сил двигаться не было совсем.

Навалилась свинцовая, удушающая усталость. Цзычу закрыл глаза, надеясь лишь на то, что,

когда он проснется, весь этот кошмар рассеется, уступив место хоть каким-то хорошим новостям.

Сквозь сомкнутые веки пробился мягкий утренний свет. Чьи-то нежные, гладкие пальцы осторожно погладили его по щеке. Цзычу резко открыл глаза, стальной хваткой перехватил чужую руку у самого запястья и рывком сел на постели.

Он грозно повернулся к непрошеному гостю.

Перед ним сидела юная особа лет семнадцати-восемнадцати на вид. Она испуганно сжалась, а ее лицо побледнело от ужаса перед его внезапной яростью.

— Молодой господин, я... я лишь хотела поделиться с вами радостной вестью, — пролепетала она.

Постепенно испуг прошел, щеки девушки снова порозовели, а на точеном, невероятно красивом лице расцвела робкая улыбка. Смущенно опустив глаза, она бережно прижала ладонь к своему тонкому девичьему животу:

— Лекарь только что приходил осмотреть вас, господин. Он заметил во мне перемены и настоял на том, чтобы проверить мой пульс. И... он сказал, что у меня уже два месяца беременности!

Цзычу с каменным выражением лица опустил взгляд ниже — на ее осиную талию, которую можно было обхватить пальцами одной руки.

Стоило ему протянуть руку, как она с тихим смехом прильнула к его плечу. Девушка сама нетерпеливо приоткрыла ворот легкого платья и прижала его ладонь к своему абсолютно плоскому животу, медленно проводя ею туда-сюда. Ее лицо озарилось мягким, благоговейным светом будущей матери.

"Похоже, я умудрился переместиться во времени..."

"Но почему другие мужчины переносятся в прошлое, чтобы завоевывать царства и вершить историю, а я в первый же день примерил роль новоиспеченного папаши?!"